

I.

Для всех людей, которых верховная природа призвала любить истину, видимо, наиболее важно, чтобы они позаботились о потомках и чтобы потомство получало от них нечто в дар, подобно тому как и они сами получали нечто в дар от трудов древних своих предков¹. Ведь тот, кто, располагая наставлениями в области права, не проявляет старания, чтобы принести какую-нибудь пользу государству, без сомнения, окажется далек от исполнения своего долга, ибо он не "древо, которое во благовремени плодотворит течение водное"², а, скорее, гибельный водоворот, всегда бурлящий и никогда не возвращающий поглощенное. Итак, поразмыслив об этом не раз наедине с собою, дабы не заслужить когда-либо обвинения в сокрытии таланта, я возымел желание не столько копить сокровища, сколько принести полезный плод обществу, открыв ему истины, не исследованные другими. Ведь какой плод принесет тот, кто вновь докажет одну из теорем Евклида?³ Тот, кто попытается вновь показать состояние блаженства, уже показанное Аристотелем?⁴ Тот, кто решит защищать старость, уже защищенную Цицероном?⁵ Конечно, никто, и такое нудное изобилие лишних слов, скорее, способно будет породить одно лишь отвращение. А так как среди прочих сокровенных и полезных истин понятие о светской монархии является полезнейшим и оно особенно скрыто, не будучи доступно всем, поскольку не имеет оно непосредственного отношения к житейской выгоде, я ставлю своей задачей извлечь его из тайников, как для того, чтобы без усталости трудиться на пользу миру, так и для того, чтобы первому стяжать пальму победы в столь великом состязании, к вящей своей славе. Спору нет, я приступаю к делу трудному и превышающему мои возможности, доверяясь не столько собственным своим силам, сколько свету Того Подателя щедрот, "Который всем подает в изобилии, никого не упрекая"⁶.

II.

Итак, прежде всего надлежит рассмотреть, что называется светской монархией и в чем ее сущность и целеустремление¹. Светская монархия, называемая обычно империей, есть единственная власть, стоящая над всеми властями во времени и превыше того, что измеряется временем. По поводу нее возникают - в виде вопросов - три главных сомнения. Во-первых, выдвигается сомнение, необходима ли она для благосостояния мира. Во-вторых, по праву ли стяжал себе исполнение должности монархии народ римский. И в-третьих, зависит ли авторитет монархии непосредственно от Бога или же он зависит от служителя Бога или его заместника.

Но так как всякая истина, не являющаяся исходным началом, уясняется из истинности какого-либо исходного принципа, необходимо в каждом исследовании иметь понятие о принципе, к которому восходят аналитически для обоснования достоверности всех положений, ему подчиненных. И так как настоящий трактат есть некое исследование, видимо, нужно прежде всего отыскать принцип, которому все остальное подчинено. Да будет, следовательно, известно, что существуют вещи, которые, не находясь в нашей власти, могут быть лишь предметом нашего созерцания, но не действия; таковы предметы математические, физические и Божественные. Другие же вещи, находясь в нашей власти, могут быть не только предметом нашего созерцания, но и действия, и в отношении их не действие совершается ради созерцания, а созерцание ради действия, ибо здесь действие есть цель. Итак, поскольку предлагаемая здесь материя есть материя политическая, больше того, поскольку она является источником и началом правильных государственных устройств, а все политическое находится в нашей власти, очевидно, что предлагаемая материя предназначена не для созерцания прежде всего, а для действия. Далее, поскольку в предметах действия началом и причиной всего является последняя цель (ибо она

изначала явно приводит в движение действующего), постольку, следовательно, все особенности предпринимаемого ради цели должны проистекать из этой самой цели. Так, одни особенности имеет рубка леса для постройки дома и другие - для постройки корабля. Стало быть, если существует нечто, что является универсальной целью гражданственности человеческого рода², то оно будет здесь тем исходным принципом, благодаря которому становится в достаточной мере очевидным все, что ниже будет подлежать доказательству. Считать же, что существует цель того или иного государства, но не существует единой цели для всех них, - глупо.

III.

Теперь нужно рассмотреть, что же есть цель всей человеческой гражданственности, и, когда это будет выяснено, будет выполнено больше половины всей работы, по слову Философа в "Никомаховой этике"¹. А для уяснения того, о чем ставится вопрос, следует заметить: подобно тому как существует цель, ради которой природа производит палец, и другая, ради которой она производит всю ладонь, и еще третья, отличная от обеих, ради которой она производит руку, и отличная от всех них, ради которой производит человека, - подобно этому одна цель, ради которой предвечный Бог своим искусством (каковым является природа) приводит к бытию единичного человека, другая - ради которой он упорядочивает семейную жизнь, третья - ради которой он упорядочивает поселение, еще иная - город, и еще иная - королевство, и, наконец, существует последняя цель, ради которой он упорядочивает весь вообще человеческий род. И вот об этом как о руководящем принципе исследования и ставится здесь вопрос. Для уяснения этого надлежит знать, во-первых, что Бог и природа ничего не делают напрасно², но все, что получает бытие, предназначено к какому-нибудь действию. Ведь в намерении Творящего, как творящего, последней целью является не сама сотворенная сущность, а свойственное этой сущности действие³. Вот почему не действие, свойственное сущности, существует ради этой сущности, а эта последняя ради него. Существует, следовательно, некое действие, свойственное человечеству в целом, в соответствии с которым упорядочивается великое множество людей во всей своей совокупности, и этого действия не может совершить ни отдельный человек, ни семья, ни селение, ни город, ни то или иное королевство. А что это за действие, станет очевидно, если будет выяснена отличительная черта, специфическая потенциальная сила, свойственная всему человечеству в целом. Итак, я утверждаю, что никакое свойство, присущее нескольким различным по виду предметам, не есть последняя отличительная черта всех возможностей одной из них. Ведь поскольку такая черта является признаком, определяющим логический вид, постольку оказалось бы, что одна и та же сущность проявлялась бы в нескольких логических видах, что невозможно⁴. Итак, специфическим свойством человека является не само бытие как таковое⁵, ведь этому последнему причастны и элементы; и не тот или иной состав, потому что он обнаруживается и в минералах; и не одушевленность, потому что она есть и в растениях; и не способность представления, потому что ею наделены и животные; таковой является лишь способность представления через посредство "возможного интеллекта"⁶; последняя черта не присуща ничему, отличному от человека, - ни стоящему выше, ни стоящему ниже его. Ведь хотя и существуют иные сущности, причастные интеллекту, однако их интеллект не есть такой же "возможный интеллект", какой имеется у человека⁷, коль скоро такие сущности суть некие интеллектуальные виды и ничего больше и их бытие есть не что иное, как деятельность интеллекта, без всякого посредства; иначе они не были бы вечными. Отсюда ясно, что последняя черта потенции самой человеческой природы есть потенция, или способность, интеллектуальная. И так как эта потенция не может быть целиком и сразу переведена в действие в одном человеке или в одном из частных, вышеперечисленных сообществ, необходимо, чтобы в человеческом роде существовало множество возникающих сил, посредством которых претворялась бы в действие вся эта потенция целиком, - подобно тому как должно существовать множество

возникающих вещей, дабы всегда была в творческом акте потенциальная сила первой материи; иначе потенция могла бы существовать обособленно, что невозможно. И с этим мнением согласен Аверроэс в комментарии к книгам "О душе"⁸. Интеллектуальная потенция, о которой я говорю, обращена не только к всеобщим формам, или видам, но, распространяясь, охватывает формы частные. Вот почему принято говорить, что размышляющий интеллект путем своего расширения становится интеллектом практическим, целью которого является действие и созидание. Я имею в виду здесь те действия, которые регулируются искусством⁹; и те и другие являются служанками размышляющего интеллекта, как того лучшего, ради которого изначальное добро привело к бытию род человеческий¹⁰. Отсюда уясняется изречение "Политики": "Люди, отличающиеся разумом, естественно первенствуют"¹¹.

IV.

Итак, достаточно разъяснено, что дело, свойственное всему человеческому роду, взятому в целом, заключается в том, чтобы переводить всегда в акт всю потенцию "возможного интеллекта", прежде всего ради познания, и, кроме того, расширяя область познания, применять его на практике. И поскольку в целом происходит то же, что и в части, и поскольку случается, что в отдельном человеке, когда он сидит и пребывает в покое, благоразумие и мудрость его совершенствуются, очевидно, что и род человеческий, будучи в состоянии покоя и ничем не возмутимого мира, обладает наибольшей свободой и легкостью совершать свойственное ему дело, почти Божественное (в соответствии со словами: "Мало чем умален по сравнению с ангелами"¹). Отсюда ясно, что всеобщий мир есть наилучшее из того, что создано для нашего блаженства. Вот почему то, что звучало пастырям свыше, было не богатства, не удовольствия, не почести, не долголетие, не здоровье, не сила, не красота, но мир. Ибо небесное воинство вещает: "Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение"². Вот почему из уст Спасителя рода человеческого прозвучал спасительный привет: "Мир вам". Потому что Спасителю подобало изречь высочайшее из приветствий. И тот же обычай пожелали соблюсти ученики Его и Павел в своих приветствиях, как может в этом убедиться всякий. Из того, что было разъяснено, становится очевидным, с помощью чего род человеческий лучше или, вернее, лучше всего другого достигает того, что ему, собственно, надлежит делать. А следовательно, было найдено и наиболее подходящее средство, которое приводит к тому, с чем все наши дела сообразуются, как со своею последнею целью, - всеобщий мир, полагаемый в качестве исходного принципа всех последующих рассуждений. А такой принцип, согласно вышеизложенному, был необходим, подобно путеводному знаку, и к нему сводится все подлежащее доказательству, как к истине очевиднейшей.

V.

Возвращаясь, таким образом, к сказанному в начале, выдвинем три главных предмета, вызывающих сомнения, и поставим три главных вопроса относительно светской монархии, обозначаемой более привычным словом "империя"; об этом, как уже сказано, мы намерены предпринять исследование, руководствуясь указанным принципом в соответствии с уже избранным нами порядком. Итак, пусть первый вопрос будет следующий: необходима ли для благосостояния мира светская монархия? Это может быть показано посредством сильнейших и очевиднейших аргументов, которым не способна противостоять никакая сила разума или авторитета. Первый из этих аргументов заимствуется из текста Философа в его "Политике". Ибо там этот всеми чтимый авторитет утверждает, что, когда множество упорядочивается в единство, необходимо, чтобы нечто одно регулировало или управляло, а прочее регулировалось или управлялось¹. В этом убеждает нас не только славное имя автора, но и довод, основанный на индукции. В самом

деле: если мы посмотрим на отдельного человека, мы обнаружим в нем то же самое. Ведь когда все его силы устремлены к блаженству, его интеллектуальная сила регулирует и управляет всеми прочими, иначе он блаженства достигнуть не может. Если мы посмотрим на семью, цель которой - приготовить домашних к хорошей жизни, в ней должен быть один, кто регулирует и управляет (его называют отцом семейства), или должен быть тот, кто его заменяет, по слову Философа: "Всякий дом да управляется старейшим". И его обязанность, как говорит Гомер, править всеми и предписывать законы прочим². Вот почему в виде поговорки применяется злое пожелание: "Пусть у тебя в доме будет тебе равный". Если мы посмотрим на поселение, цель которого - взаимная поддержка как в делах личных, так и имущественных, то один должен управлять прочими, либо назначенный кем-либо посторонним, либо выделенный из среды соседей с согласия прочих; иначе не только не будет достигнуто взаимное удовлетворение, но разрушится и все поселение, если несколько пожелают выделяться над прочими. А если мы посмотрим на город, цель которого жить хорошо и в достатке, то должно быть одно управление, и это не только при правильном государственном строе, но и при извращенном. В противном случае не только не достигается цель гражданской жизни, но и сам город перестает быть тем, чем был. Если мы обратимся к тому или иному королевству, цель которого та же, что и города, при большей надежности его спокойствия, то должен быть один король, который царствует и правит, иначе жители этого королевства не только не достигают цели, но и само оно катится к гибели, по слову непогрешимой истины: "Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет"³. Если так это бывает и в приведенных случаях, и всякий раз, когда нечто упорядочивается во что-то единое, то допущенное нами выше истинно. Но бесспорно, что весь человеческий род упорядочивается во что-то единое, как уже было показано выше; следовательно, должно быть что-то одно упорядочивающее или правящее, и это одно должно называться монархом или императором. Так становится очевидным, что для благоденствия мира по необходимости должна существовать монархия или империя.

VI.

Как часть относится к целому, так порядок частичный к порядку целого. Часть относится к целому как к цели и к лучшему. Следовательно, и порядок в части относится к порядку в целом как к цели и к лучшему, и благо частичного порядка не превосходит благо целого порядка, а, скорее, наоборот. И так как в вещах имеется порядок двоякого рода, а именно порядок частей в отношении друг друга и порядок частей в отношении чего-то одного, не являющегося частью (например, порядок частей войска в отношении друг друга и порядок их по отношению к полководцу), порядок частей в отношении одного окажется лучше, будучи целью другого; ведь ради него существует другой, а не наоборот. Вот почему если форма этого порядка обнаруживается в частях человеческого множества, то гораздо более должна она обнаруживаться в самом этом множестве, то есть в совокупности,- согласно только что приведенному силлогизму, коль скоро этот порядок, или форма порядка, превосходнее. Но такой порядок имеется во всех частях человеческого множества, как это достаточно ясно из сказанного в предшествующей главе; следовательно, он имеется или должен иметься и в самой совокупности. И, таким образом, все вышеуказанные части, стоящие ниже королевств, как и сами королевства, должны быть упорядочены в соответствии с одним правителем или правлением, то есть с монархом или монархией.

VII.

Шире говоря, человечество есть и некое целое, состоящее из частей, и некая часть относительно целого. В самом деле, оно есть некое целое по отношению к отдельным королевствам и народам, как это показано было выше; оно есть и некая часть по отношению ко всей Вселенной, и это ясно само собой. Подобно тому как подчиненные

части общего понятия "человечество" находятся в надлежащем соответствии с ним, так и о нем самом правильно говорится, что оно находится в соответствии со своим целым. Части его находятся в надлежащем соответствии с ним самим посредством одного-единственного начала, как легко можно понять из сказанного выше; следовательно, и оно находится в таком же надлежащем соответствии с самою Вселенной или с ее главою (каковою является Бог и монарх) посредством одного-единственного начала, то есть посредством единственной главы. Отсюда следует, что монархия необходима миру для его благосостояния.

VIII.

И хорошо, и превосходно все то, что отвечает намерению первого действующего начала, то есть Бога. И это очевидно всем, разве только за исключением тех, кто отрицает, что Божественная доброта достигает вершины совершенства. В намерения Бога входит, чтобы все представляло Божественное подобие в той мере, в какой оно способно на это по своей природе. Вот почему сказано было: "Сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему"¹. Слова "по образу" неприменимы к вещам, стоящим ниже человека, тогда как слова "по подобию" применимы к любой вещи, ибо вся Вселенная есть не что иное, как некий след Божественной благодати. Следовательно, человеческий род хорош и превосходен, когда он по возможности уподобляется Богу. Но род человеческий наиболее уподобляется Богу, когда он наиболее един, ибо в одном Боге подлинное основание единства. Оттого и сказано: "Слушай, Израиль! Господь Бог наш есть Господь единый"². Но род человеческий тогда наиболее един, когда весь он объединяется в одном, а это может быть не иначе как тогда, когда он всецело подчинен единому правителю, что очевидно само собою. Следовательно, род человеческий, подчиненный единому правителю, в наибольшей степени уподобляется Богу, а потому в наибольшей степени отвечает Божественному намерению - чтобы все было хорошо и превосходно, как было это доказано в начале настоящей главы.

IX.

Далее, хорош и превосходен всякий сын, который в той мере, в какой позволяет ему его природа, следует по стопам своего совершенного отца. Человеческий род есть сын неба, совершеннейшего в любом своем деянии, ибо человека рождает человек и солнце, согласно второй книге "Физики"¹. Следовательно, человеческий род оказывается в наилучшем состоянии, когда подражает чертам неба в той мере, в какой позволяет ему его природа. И так как все небо во всех своих частях, движениях и двигателях регулируется единственным движением, то есть движением сферы Перводвигателя², и единственным двигателем, каковым является Бог, что с полнейшей очевидностью обнаруживает человеческий разум, и так как уже было выведено путем правильного силлогизма, что род человеческий оказывается в наилучшем состоянии тогда, когда управляется единственным правителем, как единственным своим движущим началом, и единственным законом, и как единственным движением, в своих собственных движущихся началах и движениях, то представляется необходимым, чтобы для благоденствия мира существовала монархия, или единственная власть, именуемая империей. Об этом воздыхал Бозций, говоря:

О род людской, будешь счастлив,

Коль любовь, что движет небо, станет

Душами людскими править³.

X.

Всюду, где может возникнуть раздор, там должен быть и суд¹, иначе несовершенное существовало бы без того, что придаст ему совершенство, а это невозможно, коль скоро Бог и природа всегда даруют необходимое. Между любыми двумя правителями, из которых один вовсе не подчинен другому, может вспыхнуть раздор, и они или их подчиненные могут быть виновными, что само собой очевидно. Следовательно, их должен рассудить суд. И так как один не ведает другого, так как один другому не подчиняется (ведь равный не подвластен равному), должен быть кто-то третий, с более широкими полномочиями, главенствующий над обоими в пределах своего права. И он или будет монархом, или нет. Если да, мы имеем то, что требовалось доказать; если же нет, у него в свою очередь будет равный ему вне пределов его правоспособности, а тогда вновь будет необходим кто-то третий. И так получалось бы до бесконечности, чего быть не может: следовательно, нужно дойти до первого и высшего судьи, чье суждение прекращает все раздоры либо косвенно, либо непосредственно, и это будет монарх или император. Следовательно, монархия необходима миру. И это соображение имел в виду Философ, говоря: "Существующее не хочет иметь дурного порядка²; но многовластие есть нечто дурное; следовательно, правитель один".

XI.

Кроме того, мир лучше всего устроен, если высшую силу в нем имеет справедливость; вот почему Вергилий, желая похвалить тот век, который, казалось, зарождался в его времена, пел в своих "Буколиках":

Вот уже Дева грядет и с нею Сатурново царство¹.

Ибо Девой именовалась Справедливость, которую именовали также Астреей²; Сатурновым же царством называли лучшие времена, которые звались также золотым веком. Справедливость имеет высшую силу лишь при монархе; следовательно, для наилучшего устройства мира требуется монархия или империя. Для уяснения предпосылки следует знать, что справедливость сама по себе и рассматриваемая в своей природе есть некая прямизна³, или прямая линия, не терпящая никакой кривизны ни там ни здесь, а потому она не бывает большей или меньшей, как и не бывает таковой и белизна, рассматриваемая абстрактно. Ведь такого рода формы образуют нечто сложное лишь приходящим образом, сами же по себе они заключаются в простой и неизменной сущности, по правильному утверждению магистра, написавшего сочинение "О шести началах"⁴; такого рода качества получают большую или меньшую степень лишь от своих носителей, в которых они усматриваются в зависимости от того, больше или меньше примешано противоположного к этим носителям. Следовательно, там, где всего менее примешано противоположного к справедливости как в смысле предрасположения, так и в смысле действия, там справедливость имеет высшую силу. И тогда поистине можно

сказать о ней то, что говорит Философ: "Ни Геспер, ни Денница не бывают столь удивительны"⁵. Ведь тогда она подобна Фебес, взирающей на своего брата с противоположной стороны, из пурпура утренней прозрачности. Что касается предрасположения, справедливость вступает иногда в противоречие с волей; ведь поскольку воля не вполне чиста от всякой страсти, постольку даже при своем наличии справедливость не присутствует всецело в блеске своей чистоты, ибо носитель ее хотя и в минимальной степени, но противодействует ей; вот почему правильно отводят тех, кто пытается возбудить страсти в судье. Что же касается действия, то в этом случае справедливость встречает препятствие со стороны возможности ее осуществления: ведь поскольку справедливость есть добродетель по отношению к кому-то, постольку без возможности воздавать каждому свое каким образом способен действовать кто-либо в соответствии с нею? Отсюда явствует, что чем справедливый могущественнее, тем шире будет простираться справедливость в своем действии.

На основе этого разъяснения будем аргументировать, следовательно, так. Справедливость имеет в мире высшую силу тогда, когда она свойственна тому, кто обладает высшей волей и властью; таковым является один лишь монарх; следовательно, только присущая монарху справедливость обладает в мире высшей силой. Этот просиллогизм⁷ строится по второй фигуре⁸, с подразумеваемым отрицанием, и он подобен следующему: всякое В есть А, только С есть А, следовательно, только С есть В. Или, что то же: всякое В есть А; ничто, кроме С, не есть А, следовательно, ничто, кроме С, не есть В. Первое предложение становится очевидным из предыдущего разъяснения; второе доказывается так: сначала в отношении воли, а затем в отношении возможности. Для уяснения первого пункта, в отношении воли, следует заметить, что справедливости более всего противоположна алчность, как это дает понять Аристотель в пятой книге "Никомаховой этики". Когда алчность совершенно упразднена, ничто уже не противится справедливости; отсюда положение Философа: то, что может быть определено законом, никоим образом не следует предоставлять усмотрению судьи, и это нужно делать из опасения алчности, легко совращающей умы человеческие. Там, стало быть, где нет предмета желаний, там невозможна алчность; ведь когда разрушены предметы страсти, там не может быть и самих страстей. Но монарх не имеет ничего⁹, что он мог бы желать, ведь его юрисдикция ограничена лишь океаном, и этого не бывает с другими правителями, чья власть ограничена властью других, например власть короля Кастилии - властью короля Арагона. Отсюда следует, что монарх может быть чистейшим носителем справедливости среди смертных. Кроме того, если алчность в некоторой, хотя бы и в малой, степени затуманивает прирожденную справедливость, то благоволение, или подлинная благожелательность, укрепляет и проясняет ее. Следовательно, в ком может быть подлинная благожелательность в наивысшей своей степени, в том может занять главное место и справедливость. Таков монарх; следовательно, при его наличии справедливость - сильнее всего или может быть сильнее всего. А то, что подлинная благожелательность приводит к торжеству справедливости, можно заключить из следующего. Алчность, презирая человеческую сущность, ищет другого блага¹⁰, вне человека, а любовь к ближнему, презирая все прочее, ищет Бога и человека и, стало быть, благо человека. А поскольку среди человеческих благ самое важное - жить в мире (о чем сказано было выше) и его создаст в наибольшей и в наивысшей степени справедливость, постольку благоволение в наивысшей степени укрепит справедливость, и тем больше, чем само оно больше. И что монарху более, чем всем остальным людям, должна быть присуща

подлинная благожелательность, становится очевидным из следующего. Всякий чувствующий благожелательность тем более ее испытывает, чем ближе он к проявляющему это чувство; но люди к монарху ближе, чем к другим правителям; следовательно, они испытывают или должны испытывать его благоволение в наивысшей степени. Первая посылка очевидна, если принять во внимание природу пассивного и активного; вторая уясняется из того, что к другим правителям люди приближаются лишь частично, к монарху же всецело. И притом: к другим правителям они приближаются благодаря монарху, но не наоборот. Таким образом, монарху изначально и непосредственно присуща забота о всех, другим же правителям она присуща благодаря монарху, поскольку их забота проистекает из этой верховной его заботы. Кроме того, чем причина универсальнее, тем более она имеет природу причины, ибо низшая является причиной лишь благодаря высшей, как явствует из книги "О причинах"¹¹; и чем больше причина есть причина, тем больше расположена она к порождаемому ею, ибо благоволение это соответствует ее природе. Поскольку, следовательно, монарх среди смертных есть универсальнейшая причина того, что люди живут хорошо, ибо, как уже сказано, другие правители существуют благодаря ему, постольку благо людей ему особенно дорого. А в том, что монарх в наибольшей степени способен соблюдать справедливость, кто будет сомневаться? Разве лишь тот, кто не понимает, что у монарха не может быть врагов. Итак, после того как в достаточной мере разъяснена главная посылка, бесспорно, становится ясным и заключение, а именно что для наилучшего устройства мира непременно должна существовать монархия.

ХII.

Человеческий род оказывается в наилучшем состоянии, когда он совершенно свободен. Это станет очевидным, если уяснить начало свободы. Для этого следует знать, что первое начало нашей свободы есть свобода решения, которая у многих на устах, но у немногих в голове¹. Ведь доходят до того, что называют свободой воли свободное суждение о воле. Говорят они правильно, но до смысла слов им далеко; это похоже на то, как наши логики всякий день поступают с некоторыми предложениями, включаемыми в качестве примеров в логические занятия, вроде, скажем: треугольник имеет три угла, равных двум прямым. Я утверждаю со своей стороны, что суждение служит посредником между представлением и вожделением; ведь сначала вещь представляют себе, а затем, когда она представлена, ее оценивают с помощью суждения как хорошую или дурную, и, наконец, судящий либо добивается, либо избегает ее. Таким образом, если суждение всецело направляет желание и отнюдь не предваряется им, оно свободно; но, если суждение движимо желанием, каким-то образом предваряющим его, оно уже не может быть свободным, ибо приводится в движение не самим собою, а повинуюсь пленившему. Оттого-то животные и не могут иметь свободного суждения, ибо их суждения всегда предваряются желанием. Отсюда же можно понять, что интеллектуальные субстанции, имеющие неизменную волю, как и отрешенные души², покидающие наш мир, не теряют свободу решения из-за неизменности своей воли, но сохраняют ее в совершеннейшем и наивысшем состоянии.

Убедившись в этом, можно также понять, что эта свобода, или это начало всей нашей свободы, как я уже сказал, величайший дар, заложенный Богом в человеческую природу³, ибо посредством него мы здесь обретаем блаженство как люди и посредством него же мы там обретаем блаженство как боги⁴. Если это так, кто не признает, что человечество находится в наилучшем состоянии, имея возможность пользоваться этим началом в наивысшей степени? Но живущий под властью монарха наиболее свободен⁵. Для понимания этого нужно знать, что свободен тот, кто существует ради себя самого, а не ради другого, с чем согласен и Философ в книгах "Метафизики"⁶. Ведь существующее

ради другого обязательство определяется тем, ради чего оно существует; так, путь определяется с необходимостью его концом. Человеческий род под властью единого монарха существует ради себя, а не ради другого; ведь только тогда выправляются извращенные государственные системы, то есть демократии, олигархии и тирании, порабощающие род человеческий, как явствует при последовательном разборе их всех, и только тогда занимаются должным государственным устройством короли, аристократы, именуемые оптиматами, и ревнители свободы народа. Ведь так как монарх наиболее расположен к людям в соответствии со сказанным ранее, он хочет, чтобы все люди стали хорошими, что невозможно при извращенном государственном строе. Оттого-то Философ и говорит в своей "Политике": "В извращенном государственном строе хороший человек есть плохой гражданин, а в правильном строе понятия хорошего человека и хорошего гражданина совпадают"⁷. И такого рода правильные государственные устройства имеют целью свободу, то есть имеют целью, чтобы люди существовали ради самих себя. Ведь не граждане существуют ради консулов и не народ ради царя, а, наоборот, консулы ради граждан и царь ради народа. Ведь так же, как государственный строй не устанавливается ради законов, а законы устанавливаются ради государственного строя, так и живущие сообразно законам не столько сообразуются с законодателем, сколько этот последний сообразуется с ними, как полагает и Философ в книгах, которые он оставил о трактуемой здесь материи. Отсюда явствует также, что хотя консул или король, если говорить о них, имея в виду движение к цели, являются господами над прочими, то с точки зрения самой цели они являются слугами, в особенности же монарх, которого, без сомнения, надлежит считать слугою всех. Отсюда можно также понять, что монарх по необходимости сообразуется с целью, стоящей перед ним при установлении законов. Таким образом, род человеческий, живя под властью монарха, находится в наилучшем состоянии; а отсюда следует, что для благоденствия мира необходимо должна существовать монархия.

ХШ.

Притом наиболее способный к управлению может наилучшим образом подготовить к этому прочих. Ведь во всяком действии главное намерение действующего, действует ли он в силу природной необходимости или добровольно, - сделать других подобными себе¹, отчего и оказывается, что всякий действующий в той мере, в какой он является таковым, испытывает радость; ведь все существующее стремится к своему бытию и при деятельности действующего оно как-то расширяется, а потому естественно рождается радость, ибо радость всегда связана с желанной вещью. Итак, ничто не действует, если не бывает таким, каким должно стать испытывающее это действие; потому Философ в "Метафизике" и говорит: "Все, что претворяется из потенции в действие, претворяется посредством того, что уже пребывает в действии"²; если нечто попытается действовать иначе, оно будет действовать напрасно. На этом основании можно разрушить заблуждение тех, кто считает возможным исправить жизнь и нравы других, прибегая к хорошим словам, но совершая дурные действия; они не замечают, что Иакова больше убеждали руки, чем слова, хотя руки убеждали его во лжи, а слова - в истине³. Вот почему Философ в "Никомаховой этике"⁴ говорит: "В том, что касается страстей и действий, речам следует верить меньше, чем делам". Вот почему и грешнику Давиду было сказано с неба: "Что ты проповедуешь уставы Мои и берешь завет Мой в уста твои"⁵, как если бы было сказано: "Напрасно говоришь ты, коль скоро ты не то, что ты говоришь". Отсюда следует, что находящийся в наилучшем состоянии должен желать и других привести в наилучшее состояние. Но монарх есть единственно тот, кто может быть наилучше предрасположен управлять. Это разъясняется так: всякая вещь тем легче и тем совершеннее предрасположена к тому или иному состоянию или действию, чем меньше в ней противоположности, противоречащей такому предрасположению; вот почему легче и совершеннее достигают способности усваивать философскую истину те, кто никогда ничего не слышали, нежели те, кто по временам что-нибудь слышали и прониклись

ложными мнениями. Оттого-то и говорит правильно Гален: "Таким людям нужно в два раза больше времени для приобретения знаний"⁶. Поскольку монарх не имеет никаких поводов к алчности или, во всяком случае, имеет поводы минимальные по сравнению с прочими смертными, как было показано выше, чего нельзя сказать о прочих правителях, и поскольку эта алчность единственно искажает правильное суждение и оказывается помехой справедливости, постольку следует, что монарх либо вполне, либо в наилучшей степени предрасположен к управлению, ибо среди прочих он может иметь верное суждение и справедливость в наибольшей мере. Эти две особенности прежде всего другого должны отличать законодателя и исполнителя законов, по свидетельству некоего святейшего царя, просившего у Бога того, что подобает царю и сыну царскому: "Господи,- говорил он,- даруй суд Твой царю и справедливость Твою сыну царскому"⁷. Таким образом, хорошо было сказано в послышке, что монарх есть единственно тот, кто может быть лучше всех предрасположен управлять. Отсюда следует, что для лучшего состояния мира необходима монархия.

XIV.

И то, что может происходить благодаря одному, лучше, если происходит благодаря одному, чем посредством многих. Разъясняется это так. Пусть одно, благодаря чему что-либо может произойти, будет А; и пусть многие, благодаря чему равным образом может это произойти, будут А и В. Если, стало быть, то же самое, что происходит благодаря А и В, может произойти и благодаря одному лишь А, излишне допускать В, ибо из его допущения ничего не следует, коль скоро раньше то же самое происходило и благодаря одному лишь А. И так как любое подобное допущение является напрасным или излишним, все же излишнее не угодно Богу и природе, а все, что не угодно Богу и природе, есть зло (и это само по себе очевидно). Отсюда следует, что лучшее по результатам происходит благодаря одному, а не благодаря многим; и более того: то, что происходит благодаря одному, есть благо, а благодаря многим - абсолютное зло. Кроме того, о вещи говорится, что она лучше, если она ближе к наилучшему, и предел имеет свойство наилучшего; но происходит благодаря одному - ближе к пределу, следовательно, это лучше. А в том, что оно ближе, можно быстро убедиться так: пусть предел будет С, постигаемый благодаря одному - А или же благодаря многим, например А и В. Очевидно, что путь от А к С через В длиннее, чем от А прямо к С. Человеческий же род может управляться единым верховным владыкой, то есть монархом. По этому поводу, конечно, следует заметить: хотя и говорится, что человеческий род может управляться единым верховным владыкой, не следует это понимать так, будто ничтожнейшие суждения любого муниципия¹ могут проистекать от него одного непосредственно, пусть муниципальные законы порою и оказываются недостаточными, нуждаясь в руководящем начале, как явствует из слов Философа в пятой книге "Никомаховой этики", где рекомендуется внимание к духу закона². Ведь народы, королевства и города имеют свои особенности, которые надлежит регулировать разными законами³. В самом деле, закон есть руководящее правило жизни. И разумеется, иначе должны быть управляемы скифы, живущие за пределами седьмого климата⁴, страдающие от великого неравенства дня и ночи, угнетаемые нестерпимой дрожью от холода, иначе - гарманты, обитающие под экватором⁵ и всегда имеющие дневной свет, уравненный с мраком ночи, а потому при чрезвычайной знойности воздуха не имеющие возможности прикрываться одеждами. Но следует понимать это так, что человеческий род в соответствии со своими общими чертами, присущими всем, должен управляться монархом и общим для всех правилом

приводиться к миру. Это правило, или этот закон, отдельные правители должны получать от монарха, подобно тому как практический интеллект, для вывода, который касается действия, получает большую посылку, которая принадлежит собственно ему, и тогда делает свой частный вывод применительно к действию⁶. И сказанное не только возможно для одного, но по необходимости должно проистекать от этого одного, чтобы всякая неясность в отношении универсальных начал была устранена. Как пишет Моисей во Второзаконии, это сделано было также и им самим: избрав главных из колен сынов Израиля, он оставил им право низшего суда, высшее же и более общее он сохранил всецело за собою, каковым более общим руководствовались главные в коленах своих в соответствии с тем, что подобало каждому из колен. Стало быть, лучше, чтобы человеческий род управлялся одним, чем многими, и, следовательно, монархом, единственным правителем; а если это лучше, то и Богу угоднее, поскольку Бог всегда хочет лучшего. И так как при наличии лишь двух сравниваемых предметов лучшее и наилучшее - то же самое, одно не только угоднее Богу, чем многое, но и наиболее угодно. Отсюда следует, что человеческий род находится в наилучшем состоянии тогда, когда управляется одним. И, таким образом, для благополучия мира необходимо должна существовать монархия.

XV.

Далее я утверждаю, что сущее и единое и благое образуют градацию в соответствии с пятым значением термина "прежде". Ибо сущее предшествует по своей природе единому, а единое - благому; ведь в наибольшей мере сущее есть в наибольшей мере единое, а в наибольшей мере единое есть и в наибольшей мере благое. И чем дальше что-либо отстоит от высшего существа, тем дальше отстоит оно и от единства, а следовательно, и от благости. Потому в любом роде вещей оказывается наилучшим то, что в наибольшей мере едино, как утверждает это Философ в книгах "Метафизики". Вот почему единство, видимо, есть корень того, что есть благо, а множество - корень того, что есть зло. Оттого Пифагор в своих соответствиях на стороне блага помещал единое, а на стороне зла - многое, как явствует это из первой книги "Метафизики". Отсюда можно усмотреть, что грешить есть не что иное, как переходить от одного ко многим, что понимал и Псалмопевец, говоря: "От зерна пшеницы вина и елей умножились"¹. Итак, ясно, что все благое - благо потому, что заключено в едином. И так как согласие, будучи того же рода, есть некое благо, очевидно, что оно заключено в чем-то едином, как в своем корне. Корень этот станет явным, если обратиться к природе или к понятию согласия. Ведь согласие есть однородное движение нескольких волей; отсюда становится ясным, что единство волей, подразумеваемое под однородным движением, есть корень согласия, или само согласие. Ведь подобно тому, как мы называли бы согласными несколько земляных глыб потому, что все они опускаются к центру, или несколько огней потому, что все они поднимаются к верхней окружности (если бы те и другие делали это по своей воле), точно так же и многих людей мы называем согласными, если они движутся вместе по своей воле к чему-то одному, существующему² как форма в их воле, наподобие того, как одно и то же качество, то есть тяжесть, существует как форма в земляных глыбах, а другое, то есть легкость, - в огне. Ведь достоинство воли есть некая потенция, а качество желаемого ею блага есть ее форма³, каковая форма, подобно прочим, оставаясь единой к себе, умножается соответственно умножению материи воспринимающего, подобно душе и числу и прочим формам, не являющимся чистыми⁴.

Предпослав сказанное для разъяснения предпосылки, аргументируем основное положение так. Всякое согласие зависит от единства, существующего в волях; человеческий род в своем наилучшем состоянии есть некое согласие. Ведь подобно тому, как отдельный человек, находящийся в наилучшем состоянии, и в отношении души, и в отношении тела есть некое согласие, так и дом, и государство, и империя, и весь род человеческий образуют согласие. Следовательно, наилучшее состояние рода человеческого зависит от единства воли. Этого не может быть, если нет единой воли, владычествующей и согласующей в одно все прочие; ведь воля смертных из-за соблазнительных утех юности нуждается в руководстве, как учит Философ в последних книгах "Никомаховой этики". Эта воля не может быть единой, если нет единого правителя, чья воля способна быть госпожой и руководительницей всех прочих. И если все вышеприведенное истинно, а это именно так, то для наилучшего состояния человеческого рода необходимо, чтобы в мире был монарх, а, следовательно, ради благосостояния мира должна существовать монархия.

XVI.

В пользу всех приведенных выше доводов свидетельствует достопамятный опыт, а именно то состояние смертных, которое Сын Божий, решив стать человеком ради спасения человека, предусмотрел или по желанию Своему установил. В самом деле, если мы припомним состояние людей и времена от падения прародителей, ставшего началом нашего уклонения от правого пути, мы не найдем мгновения, когда мир был бы повсюду совершенно спокойным, кроме как при божественном монархе Августе¹, когда существовала совершенная монархия. И что тогда человеческий род был счастлив, вкушая спокойствие всеобщего мира, об этом свидетельствуют все историки, знаменитые поэты², и о том же благоволил свидетельствовать летописец жизни Христовой, и, наконец, Павел назвал это блаженнейшее состояние "полнотою времен"³. Поистине время и во времени сущее было тогда полным, ибо ни одно средство нашего счастья не лишено было своего попечителя. А каким стал мир, когда цельная эта риза впервые была разодрана когтями алчности⁴, об этом мы можем прочесть и - увы! - не можем это не видеть.

О род человеческий, сколько бурь и невзгод, сколько кораблекрушений должен был ты претерпеть, чтобы, обратясь в многоголовое чудовище, ты стал метаться в разные стороны!⁵ Оба твоих интеллекта, а вместе с ними и сердце поражены болезнью⁶, ты не врачуешь свой верховный интеллект неоспоримыми доводами, и лицезрением опыта не лечишь свой интеллект подчиненный, и равным образом не исцеляешь сердце свое сладостью Божественного увещания, возглашающего тебе трубою Духа Святого: "Как хорошо и как приятно жить братьям вместе!"⁷